

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Ольга Б. Рыбакова

Национальный государственный университет
физической культуры, спорта и здоровья
им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург

Религиозный фактор и легитимация власти в постсоветской России

Czynnik religijny a legitymizacja władzy w Rosji postradzieckiej

Современные социальные процессы в России происходят в условиях углубляющегося системного кризиса, или, в терминах синергетической интерпретации, находятся в зоне флуктуации, характеризующейся множеством изменяющихся параметров, и приближаются к точке бифуркации, в которой осуществляется необратимый выбор одной из возможных траекторий развития системы. Развитие системы в область относительно устойчивого состояния (аттрактора) происходит в результате сочетания управляющих параметров (преднамеренных и необходимых) и случайных событий, которые взаимно дополняют друг друга в процессе возникновения новой сложной структуры, т.е. появляются новые свойства и отношения в множестве элементов системы. Эта область устойчивого состояния характеризуется относительной упорядоченностью развития и формированием новой структуры системы. Тем не менее, избегая любого рода прогнозов, поскольку составление их вблизи точки бифуркации представляется практически невозможным, мы можем лишь обозначить те тенденции, которые присущи нашему обществу в поисках выхода к новому пути развития.

Любая нарождающаяся после пережитого системного кризиса элита нуждается в собственной легитимации, как нуждается в приведении к относительной устойчивости система, выстраивающая новую структуру. На сегодняшний день социальная структура в России носит неустойчивый

характер и доминирующая элита также имеет подвижный состав, поэтому нынешняя ситуация отличается активным поиском ценностных оснований, а также широким спектром возможных вариантов – от православного традиционализма с автократической моделью власти до либерально-демократической идеологии. Данную ситуацию можно сравнить с событиями тысячелетней давности, когда князь Владимир совершал идеологический выбор, решая проблему централизации власти, и колебания его отличались широким размахом и сравнительно короткими сроками – от религиозной реформы в 980 г., где предпочтения были отданы традиционным верованиям¹, до выбора принципиально новой мировоззренческой системы, ознаменованного массовым крещением киевлян в 988 г., известном как «год крещения Руси». Мы же рассмотрим период очевидной мировоззренческой и ценностной эклектики (от разрушения монолитной системы коммунистической идеологии в начале 90-х годов XX века до настоящего времени) как стадию формирования нового идеологического обоснования (легитимации как «оправдания») нарождающейся системы власти новой социокультурной общности.

Начало 90-х годов XX века в нашей стране характеризовалось декларированием демократизации общества и всех его составляющих. Если мы обратимся к религиозной системе, как одному из носителей ценностных ориентаций, то увидим присущий тому периоду истории буквально взрыв богоискательства и мультиконфессиональности как предлагаемых вариантов институционального оформления этих поисков. В своей статье в английской газете «Тайм» от 15.10.1990 г. Роберт Хорц так характеризует этот период: «В противоположность своему в остальном достойному прототипу – Н.С. Хрущеву – М. Горбачев в 1988 г. пытается поставить на службу своей политике реформ также и религию. С этой целью он осуществил радикальное изменение курса советской политики в отношении религии. Этот неожиданный поворот на 180° удивил различные религиозные организации, которые оказались к нему не подготовлены»². Отметим также предельную веротерпимость того времени как со стороны властей (например, принятый в 1990 году самый либеральный за всю историю российского государства «Закон о свободе вероисповеданий», отменивший государственный контроль и регулирование религиозной жизни), так и со стороны рядовых верующих, а также индифферентно настроенных по отношению к религии

¹ М.А. Васильев, Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира, Индик, Москва 1998, с. 172–175.

² Новые трудности для верующих благодаря перестройке // Религия в СССР и в современном мире. Инф. бюллетень по материалам зарубежных СМИ, АОН ЦК КПСС. Институт религиоведения, Москва 1991, №3 (16), с. 36.

других членов общества. Ни одна из религиозных конфессий не имела никаких преимуществ по сравнению с другими.

Однако в 1991–1992 гг. происходит принципиальный перелом в отношении государства и общества по отношению к религиозной свободе. Это вызвано не только сменой настроений в обществе, ожидавшего по-новому понимаемого «светлого будущего», которое должно было придти быстро и безболезненно, и связывалось с западническими «демократическими» и «рыночными» реформами, но также постепенным складыванием новой российской элиты, замедлением ее ротации. Эйфория сменилась разочарованием и апатией, что показывают многочисленные социологические опросы тех лет. Например, «если до середины 1991 г. не менее двух третей населения считало, что Россия должна брать пример со стран Запада, во всем подражать им, то уже в 1992 г. столь же подавляющее большинство считало, что у России особый путь, принципиально иная цивилизация и Запад для нее не является эталоном»³.

Наряду с этим в выступлениях обществоведов, журналистов, политиков все чаще начинают встречаться утверждения об особой «русской цивилизации», о существовании некоего особого русского пути развития, о евразийстве. И здесь общественное сознание российского постсоветского общества совершает новый поворот: православие приобретает особое значение как символ национальной идентичности (а большинство русских и раньше относилось к нему как к не совсем религии).

Идеология, легитимировавшая в первой трети XX века новую власть и новый общественный порядок, по мере окостенения советской стратификации и формирования новой элиты – номенклатуры⁴, в свое время способствовала смене многих идейных и культурных основ национального самосознания русского народа и закономерно приобрела квазирелигиозный характер, так как наиболее жесткая стратификация нуждается в наиболее ортодоксальных и жестких формах легитимации.

Обратившись к времени становления советского строя и его социальной структуры, вспомним и о том, что не враз была выстроена и коммунистическая идеология, и был десятилетний период между свержением прежней власти в 1917 году с яростным неприятием большевиками дореволюционной Православной российской церкви (ПРЦ) – идеологического союзника и, одновременно, органа свергнутой власти – и открыто объявленной атеистической политикой в конце 20-х годов. В этот период новая власть, прекрасно осознавая незаменимость сакрального сопровождения властных

³ С. Филатов, Р. Лункин, Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // Нетерпимость в России: старые и новые фобии, Моск. Центр Карнеги, Москва 1999, с. 139.

⁴ М.С. Восленский, Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза, «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», Москва 1991, с. 46–49.

инициатив в глазах широких слоев населения, ищет политической опоры у прежде гонимых до того церковью и государством религиозных меньшинств. В качестве идеологических и организационных точек соприкосновения между ними можно выделить: наднациональный характер мировоззрения российских сектантов; оппозиционность к православию (а, следовательно, – с точки зрения большевиков – и к государственной системе, в которую был инкорпорирован этот религиозный институт); отлаженная практика общинной жизни, необходимая для «социализации» села в государстве, где большая часть населения являлась сельскими жителями; и т.д. Тем не менее, режим наибольшего благоприятствования для религиозных меньшинств продлился недолго, поскольку им претила и сама идея безбожия, и политика «красного террора», проводимого властью в первые годы установления советского режима. С конца 20-х годов они попадают в общий список неблагонадежных, поскольку новая власть, не получив от них ожидаемого заряда «сакральности», начинает выстраивать собственную систему легитимации по образцу религиозной со всеми присущими последней атрибутами: иерархизированной структурой, героической мифологией, идеей мессианства, праздничными шествиями с «хоругвями» несколько раз в году под благословением партийных иерархов, оформлением «красных уголков» с соответствующим идейным наполнением от «священных» текстов до портретов («икон») настоящих и ушедших «героев веры» и т.д.

Тем не менее, и этот коммунистический строй претерпел крах. Как нельзя кстати под занавес дряхлеющей системы пришлось торжество, связанные с 1000-летием Крещения Руси, открывшие возможность российскому человеку вернуться в парадигму духовно-национальной традиции. Благодаря стихийному и нерационализированному поиску зримым символом этой традиции оказалась Русская православная церковь. Именно в постсоветские времена актуальной для многих становится самоидентификация по этноконфессиональному признаку «русский – значит православный». Это явление, на наш взгляд, выражает своего рода реакцию на центробежные тенденции в обществе и распад советской (наднациональной) идентичности.

Рождавшаяся в новых условиях элита, как мы отмечали, также находилась в поиске новых идеологических обоснований, легитимирующих ее положение. И если первая половина 90-х годов характеризуется обилием гетеродоксальности, представленной и в качестве состояния общественного сознания, и во множественности институтов, отражающих это состояние (многопартийность, многоконфессиональность и т.д.), то к окончанию последнего десятилетия XX века уже явно прослеживаются центростремительные тенденции в проводимой властью идеологической линии. Это касается и резкого сокращения количества представленных в законодательных органах политических партий, и новых законодательных инициатив в отношении государственно-конфессиональных отношений и т.д. При-

нятый в 1997 г. новый «Закон о свободе совести и религиозных объединениях» еще на стадии обсуждения вызвал большой резонанс со стороны религиозных движений как имевших укорененную в истории России традицию, так и новообразовавшихся на территории нашей страны в 90-е годы. Закон, постулировавший в своей преамбуле наличие в государстве четырех традиционных религий – христианства, мусульманства, буддизма и иудаизма, – существенно ограничивал возможности регистрации и, соответственно, юридические права религиозных объединений, не входящих в централизованные организации либо имеющих за своими плечами историю менее 15 лет, однако посредством его принятия была осуществлена попытка структурировать, институционализировать и количественно сократить всю эту религиозную гетеродоксальность.

Необходимость выбора для самой элиты идеологических обоснований ее легитимации подталкивает ее к союзу с организацией, представляющей религию декларируемого большинства. Но как выше было отмечено, это большинство в действительности ассоциирует себя с данной конфессией преимущественно с этноконфессиональной точки зрения, собственно религиозный фактор играет роль для незначительного меньшинства (с точки зрения социологов – 2–4%, знакомых с основами православного вероучения и для жизни которых религиозные постулаты имеют сколько-нибудь существенное значение⁵). Однако обращение к опыту традиционной религиозной конфессии объяснимо, на наш взгляд, такими причинами, как: 1) православие как цивилизационное ядро (а не вероисповедная доктрина) на протяжении столетий цементировало общность, выходящую за пределы собственно русского этноса; 2) исторический опыт симфонии властей светской и религиозной, обеспечивающей легитимность первой; 3) легитимация все же в своем оправдательном аспекте обнаруживает религиозный характер, поскольку оправдание существующей системы власти нуждается, по большому счету, не в конституционных принципах (которые относительны, т.к. могут меняться с принятием очередной конституции), а в аргументах, близких (или стремящихся) к абсолюту⁶.

Тем не менее, даже фактическое меньшинство «истинных» приверженцев предпочтенной властными структурами конфессии не является определяющим для выстраивания новой ортодоксии, легитимирующей нарождающуюся социокультурную общность и ее правящую элиту. В данном контексте важна сама тенденция использования религиозной

⁵ Н. Митрохин, Русская православная Церковь. Современное состояние и актуальные проблемы, Новое литературное обозрение, Москва 2006, с. 38.

⁶ О. Рыбакова, К проблеме легитимации власти // Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации: Материалы Всерос. науч. конф. 16–17 ноября 2010 г., НовГУ им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород 2010, с. 322.

составляющей в формировании новой идеологии. Исторические примеры хорошо иллюстрируют эту тенденцию: мы можем вспомнить времена правления того же князя Владимира, выбирающего новую идеологию для государства, где христиане были в безусловном меньшинстве; или же переместиться от этих событий во времени еще на шесть столетий назад и увидеть такую же политику императора Константина; да и пример событий без малого вековой давности (1917 год) еще весьма ярок в нашей памяти, когда безусловному меньшинству приверженцев коммунистической идеологии удалось распространить ее в пределах 1/6 части планеты, а легитимность и строя, и власти практически не подвергалась сомнению.

Нынешняя ситуация, рассматриваемая с точки зрения системного подхода, показывает корреляцию между неустойчивостью современного состояния религиозного сознания в России и неустойчивостью социальной структуры в ситуации системного перехода и формирования новой социокультурной общности. Предпочтения сегодняшней элиты явно указывают на православный выбор российского общества, но православие в общественном сознании нашего общества (как указывалось выше) ассоциируется не с постулатами веры, а с цивилизационной принадлежностью. Поэтому данная ситуация также весьма неоднозначна, и здесь флуктуации разного характера пока не дают возможности прогнозировать окончательный результат.

Одну из тенденций – предпочтение элитой одной из религиозных конфессий и выбор в этом отношении определенного курса государственной политики – мы уже отмечали. Это выражается во многих аспектах современной жизни. Можно отметить получившую широкое распространение практику «освящений» в ритуальной форме (да и просто присутствием иерархов МП РПЦ) самых разнообразных государственных и общественных мероприятий; введение новых государственных праздников с искусственным (религиозным) обоснованием; множество законодательных инициатив и проектов о введении религиозно ориентированных предметов, курсов и специальностей в систему государственного образования (от начальных классов средней школы до уровня послевузовского образования); активное сближение церковных структур с армией (вплоть до введения армейского духовенства); формирование общественного мнения государственными и прогосударственными СМИ о целесообразности и значимости для поступательного развития страны как в духовно-нравственном, так и в политико-экономическом отношении подобного рода инициатив; увеличение ТВ времени на государственных каналах для православного вещания, и т.д. Таким образом, налицо попытка влияния на все формы общественного сознания с целью закрепления определенного мировоззренческого императива в качестве компонента идеологии.

Однако, несмотря на стремление элит к поддержке и легитимации инструментами сакрализации власти, находящимися в руках предпочитаемой конфессии, последняя все же оставляет за собой право не абсолютизировать настоящую форму власти и рассматривает ее как переходную с возможностью трансформации в теократическую. В одном из главных программных документов «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых Архиерейским Собором МП РПЦ за последнее десятилетие, есть такой пассаж: «Изменение властной формы на более религиозно укорененную без одухотворения самого общества неизбежно выродится в ложь и лицемерие, обессилит эту форму и обесценит ее в глазах людей. Однако нельзя вовсе исключить возможность такого духовного возрождения общества, когда религиозно более высокая форма государственного устройства станет естественной»⁷. Таким образом, на данном этапе развития отношений возможность религиозного влияния на все формы общественного сознания важна для обеих систем, как политической элиты, так и религиозной конфессии, но результат этого влияния каждая усматривает отличным от другой.

Спускаясь на уровень ниже, туда, где и должно происходить это ожидаемое взаимодействие и влияние, мы тоже не усматриваем каких-либо центростремительных тенденций. Как было неоднократно указано выше, общественное сознание в большой степени секуляризовано, поэтому общество, часто в лице чиновничества, оказывает стихийное сопротивление этому курсу, что способствует пробуксовке законодательных инициатив о внедрении РПЦ в образовательные, военные, политические структуры общества. По итогам 2010 года в ежегодном докладе, посвященном мониторингу религиозной составляющей в российском обществе отмечено, что «эксперимент по преподаванию знаний о религии и этике в школах не дал существенного преимущества православию; применение закона о военном духовенстве буксовало в течение всего года; в течение целого года не принимался также президентский законопроект о передаче недвижимости религиозным организациям»⁸. Религиовед Р. Лункин считает Россию секулярной страной с налетом православия; «именно поэтому, – отмечает он, – граждан раздражает активность РПЦ, а чиновник не пойдет на изменение Конституции в пользу православия и будет ставить палки в колеса «Основам православия» в школах и капелланам в армии, хотя все они – граждане и чиновники вместе с политиками – считают себя православ-

⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, Нижний Новгород 2001, с. 185.

⁸ А. Верховский, О. Сибирева, Ежегодный доклад «Проблемы реализации свободы совести в России в 2010 году», <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2011/03/d21260/>

ными)⁹. В качестве иллюстрации приведем сведения, касающиеся, на наш взгляд, животрепещущей проблемы внедрения религии в систему образования. В том же докладе указывается: «В 2010 году в общеобразовательных школах нескольких регионов началось преподавание курса «Основы религиозных культур и светской этики» в рамках эксперимента, решение о начале которого было принято в 2009 году. К изначально изъявившим желание участвовать 19 регионам в течение года прибавилось еще несколько, в частности, Санкт-Петербург. В этом же году были подведены первые итоги эксперимента. По данным исследования Российской академии государственной службы (РАГС), самая большая доля участвующих в эксперименте школьников (42,1%) изучает «Основы светской этики», 30,6% – «Основы православной культуры», 20,0% – «Основы мировых религиозных культур», 5,2% – «Основы исламской культуры», 2,0% – «Основы буддийской культуры», 0,1% – «Основы иудейской культуры».

В феврале представитель Министерства образования и науки РФ сообщил о том, что Российская академия наук, Российский союз ректоров, Рособрнадзор и Высшая аттестационная комиссия (ВАК) готовят включение теологии в список научных специальностей ВАК (годом ранее министерство отказалось даже рассматривать этот вопрос). Однако до конца года никакого решения относительно теологии принято не было»¹⁰.

Таким образом, нынешняя российская элита пока не располагает в достаточной мере инструментами мотивации, способными интериоризировать ее ожидания с использованием религиозного фактора на уровень общественного сознания¹¹. Конфессия, на которой остановила свой выбор элита, имея в виду собственную легитимацию и поддержку в формировании идеологии, которая сможет влиять на все формы общественного сознания – эта конфессия готова использовать предоставляемые ей средства и возможности, однако ее конечные цели расходятся с целями элиты светского государства и однозначно не находят поддержки со стороны даже декларируемого большинства ее сторонников. Пожалуй, претензии клира на политическую роль – это фактор, который может отрицательно повлиять на выбор легитимирующей религии, так как он не отвечает потребностям многоконфессионального и полиэтнического общества. Православие функционировало как цивилизационная основа в другом обществе и в других условиях. Общественное сознание же по причине своей разнородности и эклектичности не может быть тем дискуссионным полем, в границах которого воз-

⁹ Р. Лункин, Защита светского государства: новая борьба с религией?, http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=256&ELEMENT_ID=3353

¹⁰ А. Верховский, О. Сибирева, *op. cit.*

¹¹ Ю. Хабермас, Проблема легитимации позднего капитализма, Праксис, Москва 2010, с. 158.

можно строительство ортодоксальной доктрины, поскольку, вследствие дедогматизации общественного сознания, набор основных вероучительных характеристик не является общепризнанным.

Тем не менее, на уровне научной общественности продолжается поиск так называемой «национальной идеи России», способной стать средством «консолидации российского общества». Но, по мнению инициаторов научных форумов, посвященных формированию этой идеи, даже прочтение этого понятия («национальная идея России») варьируется от этнического до трансцендентного, а диапазон определений простирается от государственно-управленческой категории до некоего мессианства. Другими словами, и на этом уровне отмечается явная гетеродоксальность, по причине чего констатируется, что «очевидные различия в позициях, убеждениях, и подходах к проблеме не позволяют, да и не могут позволить в нынешней ситуации прийти к единому мнению о возможной формулировке российской национальной идеи»¹².

Однако мы рассматриваем гетеродоксию в качестве необходимого механизма формирования, выстраивания ментального порядка (в синергетической интерпретации) системы. С этой точки зрения современные социальные процессы свидетельствуют о вариативности возможного развития нового российского общества до тех пор, пока некий фактор, лежащий в настоящее время в категории случайностей, не окажется решающим для кристаллизации новой социальной структуры, оформления новой идеологии, которая будет принята в качестве ортодоксальной доктрины, легитимируя, в том числе, новую властную элиту.

[знаков 22 315]

Autorka podejmuje analizę procesu legitymizacji współczesnych elit społeczeństwa rosyjskiego. Formuluje tezę, że zachodzące zmiany polityczne we współczesnej Rosji pozwalają na różne możliwości adaptacji. Najczęściej wybraną drogą są próby włączania się w struktury, mających charakter większościowy, organizacji religijnych. Konsekwencją tych tendencji jest formowanie się pro-religijnej polityki wyznaniowej państwa.

słowa kluczowe: legitymizacja, kryzys systemowy, elita, ideologia, struktura społeczna, system religijny

ключевые слова: легитимация, системный кризис, элита, идеология, социальная структура, религиозная система

¹² Всероссийская научная конференция «Национальная идея России» (Москва, ИНИОН, 12 ноября 2010 года), http://rusrand.ru/about/news/news_544.html

The author undertakes an analysis of the process of legitimization of contemporary elite of Russian society. The author formulates the thesis that the political changes taking place in contemporary Russia allows the different possibilities of adaptation. The most popular way is an attempt to join in the structures religious organizations, which have character of majority. The consequence of these trends is formation a pro-religious of the state religious policy.

keywords: legitimization, system crisis, elite, ideology, social structure, religious system